

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*— Не залянете в мой домик? —
паук мухе предложил. —
У меня прелестный домик,
для гостей роскошный зал.*

Мэри Хоувит¹

Настал новый день, прекрасный, как первое утро творения. Констебль Хэмиш Макбет прогуливался по берегу залива Лохдуб, за ним семенил пес, а сам констебль пребывал в крайне благостном настроении. Уже целых две недели стояла отличная погода. Над головой у него было лазурное небо, перед ним — маленькая, но оживленная бухта, а за ней раскинулось потрясающей синевы открытое море, где на волнах мерцали алмазами солнечные блики. Над деревней нависали Сатерлендские горы, старейшие в мире — но

¹ Из стихотворения «Паук и муха» (1829). — *Здесь и далее прим. пер.*

под ленивым солнцем они казались не столь устрашающими. По ту сторону залива тянулись ввысь, будто шпили собора, сосны Серого леса, под которыми всегда прохладно и тенисто. Из-за заборов свешивались плети первых роз, а душистый горошек трепетал на ветерке, как платье красавицы времен короля Эдуарда. Буро-зеленый камуфляж пустоши, покрывший склоны гор, запестрел ярко-розовыми островками раннего июньского вереска. На обочине дороги покачивались настоящие шотландские колокольчики¹. Рядом, переплетаясь стеблями, ослепительно сияли желтая чина и фиолетовый мышиний горошек, а в траве виднелись цветы вьюнка, похожие на белые граммофонные трубы.

Прогуливаясь, Хэмиш увидел, как возятся в саду сестры Джесси и Несси Кэрри, местные старые девы. Садик у них был крайне строгого вида. Цветы росли ровными рядами за бордюрами из ракушек.

Хэмиш заглянул за живую изгородь и улыбнулся:
— Славный сегодня денек.

Оторвавшись от прополки, сестры распрямились и неблагоклонно оглядели констебля.

— Я смотрю, кому-то, как обычно, делать нечего, — сурово сказала Несси. На толстых стеклах ее очков играли блики солнца.

¹ В Шотландии под колокольчиком (bluebell) понимают колокольчик круглолистный, тогда как в остальных частях Британии так называют совершенно другое растение — гиацинтоидес неописанный, или дикий гиацинт.

— Так это разве плохо? — радостно спросил Хэмиш. — Закон никто не нарушает, жен никто не бьет, даже пьянчужек не видно — в участок отправить некого.

— Тогда участок ваш надо закрыть. Участок ваш надо закрыть, — сказала Джесси. Она была прямо как дрозд у Роберта Браунинга: «Повторяет он дважды песню свою»¹. — Стыд и срам! Такой детина — и без дела шляется. Стыд и срам!

— Вы смотрите, — ответил Хэмиш, — вот откопаю убийство специально для вас — и как вам это понравится?

— Слыхала, мисс Халбертон-Смайт вернулась, — объявила Джесси, злобно таращась на констебля. — Друзей из Лондона в гости привезла.

— А что, сейчас в самый раз приехать, — дружелюбно сказал Хэмиш. — Погода чудесная.

Он улыбнулся, приложил руку к фуражке и отправился дальше, но улыбка сошла с его лица, едва он отошел. Присцилла Халбертон-Смайт была любовью всей его жизни. Он хотел знать, когда она приехала и кого привезла с собой. Он хотел знать, когда они увидятся. Тревога омрачила его разум. Сразу показалось удивительным, что день по-прежнему безупречен: солнце светит, тюлень лениво плещется в спокойных водах бухты.

¹ Здесь цитируется стихотворение Роберта Браунинга «В Англии весной». Пер. С. Маршака.

Хэмиш постарался собраться с духом. Вокруг пахло солью, дегтем и соснами. Он отправился в гостиницу Лохдуба в надежде добыть чашечку кофе.

Он вошел в кабинет управляющего — мистер Джонсон был на месте.

— Угощайся, — сказал тот, кивнув в сторону кофемашины в углу.

Дождавшись, когда Хэмиш нальет себе чашку и присядет, мистер Джонсон сообщил:

— Дом Уиллетов продали.

Хэмиш приподнял брови:

— Вот уж не ожидал, что желающие найдутся.

Вилла Уиллетов, построенная еще при королеве Виктории, стояла далеко от моря. На продажу ее выставили пять лет тому назад, и состояние дома оставляло желать лучшего.

— Я так понимаю, за бесценок купили. За десять тысяч, говорят.

— А кто купил?

— Англичане какие-то, Томас их фамилия. Больше ничего не знаю. Вроде сегодня собирались въехать. Может, для тебя работа найдется.

Хэмиш усмехнулся:

— Преступление, что ли? Да что может случиться в такую погоду?

— Барометр что-то падает.

— Никогда не видел, чтобы барометр угадал с погодой, — сказал Хэмиш. — А что там в поместье Томель?

Хэмиш спрашивал с напускным безразличием, но мистера Джонсона было не провести. В поместье Томмель, в паре миль от Лохдуба, жила Присцилла Халбертон-Смайт.

— Я так понимаю, Присцилла друзей с собой привезла, — сказал управляющий.

Хэмиш отхлебнул кофе.

— Что за друзья?

— Вроде как золотая молодежь. Два парня, две девушки.

Хэмиш поймал себя на том, что выдохнул с облегчением. Похоже, все-таки две парочки. Он-то боялся услышать, что Присцилла привезла ухажера.

— Вы их уже видели? — спросил он.

— Ага, вчера к нам на ужин заходили.

Хэмиш напрягся.

— А что, полковник так не рад гостям, что его дочери приходится принимать друзей в гостинице?

Мистер Джонсон смутился.

— Они гостят в поместье уже больше недели, — сказал он и перевел взгляд на потолок, чтобы не видеть разочарования на лице Хэмиша.

Хэмиш медленно поставил на стол чашку с недопитым кофе.

— Что ж, мне пора на обход, — сказал он. — Пойдем, Таузер.

Крупный пес неопределенной породы понуро последовал за хозяином. Хвост-метелка поник, словно барбос чуял, что Хэмиш не в настроении.

Выйдя во двор гостиницы, Хэмиш застыл среди горшков с алой геранью и заморгал на солнце. Да, странно, что погода так и не испортилась. Больше недели! А она даже не позвонила.

Он направился обратно к полицейскому участку и прошел через сад на заднем дворе, чтобы провернуть воду у овец в крофте¹. Солнце пекло ему спину, из вереска раздавался свист кроншнепов, а над головой пролетал канюк — прямо к солнцу, словно Икар. Большая черная овца неспешно приблизилась к Хэмишу и дотронулась носом до его руки. Тот машинально погладил овцу, но мыслями был в Томмеле. В их последний разговор Присцилла поддела его на счет лени и нехватки амбиций. Амбициозным человеком Хэмиш и вправду не был. Расслабленная жизнь ему нравилась, и он любил Западный Сатерленд: горы, вереск, залив, а за ним — океан, где, как поговаривают старики, синие люди плещутся на волнах, а мертвецы возвращаются к жизни в обличье тюленей.

Хэмиш решил: «Загляну в поместье, хуже не будет».

Он сел в новенький белый «лендровер», пожалованный ему начальством из Стратбейна, наверняка с подачи старшего детектива-инспектора Блэра: тот сделал себе имя на делах об убийствах, раскрытых

¹ В Шотландии крофт — это небольшой участок земли, который используется для сельского хозяйства, но не принадлежит фермеру, а берется в аренду у землевладельца.

с помощью Хэмиша. Хэмиш, конечно, раскрывал их в одиночку, но не возражал, когда неотесанный инспектор приписывал заслуги себе.

Извилистая дорога к замку вела «лендровер» по холмам, и, поднимаясь над деревней, Хэмиш воспрянул духом. Наверняка окажется, что причина, по которой Присцилла его не навестила, очень проста. Полковник ведь крайне недоволен тем, что его дочь водится с деревенским полицейским, — разумеется, это отец велел ей держаться от него подальше. Так думал Хэмиш, намеренно закрывая глаза на то, что раньше ни крутой нрав отца, ни его мнение совершенно не мешали Присцилле.

Хэмиш остановился, не заезжая в ворота, и припарковал «лендровер» на обочине. Он надеялся незаметно разведать обстановку.

Медленным шагом он пошел по дороге. Послышались возгласы и смех, так что, вместо того чтобы повернуть к лужайке перед домом, он направился напрямиком в сосновую рощу и неслышно побрел по опавшей хвое, пока не нашел место, где мог бы видеть все, но сам оставаться невидимым.

Это была Присцилла с друзьями — они играли в крокет. Поначалу Хэмиш никого не видел, кроме нее. Она склонилась над молотком, и золотистые волосы упали ей на лицо. На ней была простая белая блузка, короткая прямая юбка из алого хлопка и изящные коричневые сандалии на низком каблуке. Затем Хэмиш обратил

внимание на человека, который подошел и приобнял ее сзади, чтобы показать, как бить по шару. Мужчина был высокий, с курчавыми темными волосами, красивым лицом и выбритым до синевы подбородком. На нем была клетчатая рубашка с закатанными рукавами, в распахнутом вороте которой виднелись черные волоски — такими же были покрыты его мощные загорелые руки.

С ними были две девушки в спортивной одежде — обе с обезьяньими личиками, какие бывают у богачей из Челси, и аккуратными прическами. Второй мужчина напоминал зайца и носил очки в золотой оправе.

А потом Хэмиш увидел, как Присцилла улыбнулась брютету самой счастливой, самой лучезарной улыбкой, и весь похолодел. Констебля одолели мрачные мысли. Присцилла Халбертон-Смайт влюбилась в этого волосатого неандертальца, в эту гориллу! Боль была острой и резкой. Улыбка вдруг сошла с лица Присциллы, и она огляделась, а затем посмотрела прямо на деревья.

Хэмиш бесшумно ускользнул из рожи. Он весь заледенел. Он брел обратно к «лендроверу», и от тоски его ноги будто увязали в грязи.

Обратно в Лохдуб он ехал медленно — так, будто сел за руль пьяным и силился протрезветь. Но вдруг ему бросился в глаза большой, покрытый пылью мебельный фургон рядом с домом Уиллетов. Новые жильцы прибыли.

Не желая оставаться наедине со своими мыслями, Хэмиш подъехал к дому и припарковался рядом

с фургоном. Свои пожитки разгружала семейная пара: высокая элегантная женщина и крупный неуклюжий мужчина.

— Помощь нужна? — спросил констебль. — Я Хэмиш Макбет, местный слуга закона.

Женщина вытерла руку о штаны и протянула Хэмишу.

— Трикси Томас, — представилась она. — А это мой муж Пол.

Ростом она была почти что с Хэмиша. На плечи ей спадали каштановые волосы, вьющиеся от природы, а белки огромных карих глаз немного отливали голубым. Губы у нее были тонкие, а улыбаясь, она обнажала крупные белоснежные зубы. Хэмишу показалось, что ей около сорока пяти. Ее муж, крупный увалень с лицом потрепанного жизнью клоуна, кажется, недавно сбросил вес на строгой диете. Это было видно по обвисшей коже — когда-то она явно обтягивала тучную фигуру. У него были черные глазки, большой рот и приплюснутый нос.

— Вы как, справляетесь? — спросил Хэмиш.

— Стараемся, — вздохнула Трикси. — Но жара ужасная. Мы этот фургон сами наняли, на перевозчиков денег не хватило, так что приходится самим справляться... понемножку. — Она округлила глаза, поджала губы и беспомощно всплеснула руками.

— Давайте помогу, — сказал Хэмиш. Он снял фуражку и закатал рукава голубой форменной рубашки.

— Ой, как хорошо! — воскликнула Трикси. — Пол у меня, бедненький, совсем ничего не может. — Она говорила с каким-то придыханием, и в ее голосе слышались плаксивые нотки выговора кокни.

Хэмиш покосился на Пола — мало кому понравится, когда про него так говорят, — но здоровяк благостно улыбался.

Хэмиш только рад был отвлечься от своих забот, так что трудился не покладая рук. Они с Полом заносили в дом мебель и всяческие безделушки, а Трикси расхаживала по комнатам и указывала, куда что поставить.

— Мебели маловато, — заметила она. — Мы оба безработные, на пособия, решили — откроем в доме пансион.

— Ну, если постараетесь, может, застанете туристов в июле — августе, — сказал Хэмиш. — А если хотите подержанную мебель — это вам в Алнесс, есть там хороший магазинчик. Ехать, конечно, далековато, но...

Трикси снова поджала губы.

— У нас на мебель уже ничего-ничего не осталось, — сказала она. — Я думала, может, местные поделятся чем-нибудь ненужным.

— Возможно, у меня что найдется, — сказал Хэмиш. — Давайте зайдём в участок, как закончим, я для вас что-нибудь состряпаю.

О приглашении он пожалел мгновенно. Тщеславие ему было несвойственно, но все же он заподозрил, что Трикси с ним заигрывает. Она то и дело одаряла

его знаками внимания — то задевала будто случайно, то подчеркнуто улыбалась.

Когда Томасы явились в участок, Хэмиш пожалел еще сильнее. Пока он возился на кухне, Трикси бродила по дому и заглядывала в другие комнаты без спросу. Когда она вернулась, щеки у нее слегка разругнялись, а глаза округлились до предела.

— Я заметила, вы не зажигаете камин, — начала она, — а у вас там такое старенькое ведро для угля... У нас вот такого нет. — Она грустно улыбнулась. — Денег не хватило.

Ведро Хэмишу подарила тетка. Оно было еще восемнадцатого века, с эмалевыми вставками, и он им весьма дорожил. Но глаза Трикси будто затягивали в омут, и отчего-то ему стоило большого труда покачать головой и сказать:

— Но зимой-то оно мне нужно. С чего мне жечь камин в жару?

Затем Трикси принялась за кухонные полки. Она схватила банку клубничного джема и прочла этикетку.

— Ой, Пол, смотри, клубничный! Еще и домашний. Обожаю домашний джем.

— Возьмите себе, — предложил Хэмиш.

Она бросилась на него с объятиями.

— Какой же вы душка! — воскликнула она.

Хэмиш вывернулся из ее рук и пошел накрывать на стол.

Трикси ему не понравилась, но почему так сильно — он пока не понимал. Внимание Хэмиша пере-

ключилось на Пола. Здоровяк сказал, что они с женой устали бегать как белки в колесе и решили отправиться в шотландские горы, попробовать себя в работе с туристами.

— В доме, конечно, есть над чем поработать, — продолжил он, — но, думаю, мы быстро разберемся, а потом я, может, разобью огород, чтобы выращивать овощи на продажу. Участок у нас большой.

— Одна беда, — сказал Хэмиш, отводя в сторону длинные ноги, поскольку Трикси прижалась к нему коленями. — Лето у нас в последнее время так себе, народ за границу в отпуск едет. Но с другой стороны, аэропорты теперь так забиты, что кто-то предпочитает путешествовать по Британии — это я в новостях слышал. Так что, может, вам и повезло.

— Мы уже дали объявления в «Вестник Глазго» и «Шотландец», — сказала Трикси, — о том, что ищем постояльцев на июль и август.

Хэмишу показалось странным, что при всей нехватке денег у них нашлось на что подавать объявления в газеты. К тому же июнь уже подходил к концу. Трикси и Полу пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы пансион открылся вовремя.

Вставая из-за стола, Трикси спросила:

— Надеюсь, я не слишком вас обременю, но, может, у вас есть лишняя мебель? Она все-таки вся казенная.

— Полиция предоставляет только стул, письменный стол, шкаф для бумаг и телефон, — сказал Хэмиш. — В жилых комнатах все за мой счет. Сейчас у меня нет

времени, но, если что-нибудь найдется, обязательно скажу.

Он проводил их до двери и вздохнул с облегчением. И только тогда, провожая их взглядом, с содроганием осознал, что погода переменилась. Воздух напитался влагой, и солнце скрылось за тонкой облачной пеленой. Хэмиш принялся неторопливо расхаживать по лужайке перед полицейским участком, не сводя глаз с залива.

Сырой ветер нес с моря дождевые тучи. Они будто тянули длинные пальцы к поверхности воды, подернутой черной как нефть зыбью. А потом налетели мошки — шотландский гнус, горная чума. Ко всеобщему счастью, их долго не было видно, поскольку дни стояли сухие. Теперь же они слетелись целыми тучами, забивали нос и глаза. Чертыхаясь, Хэмиш вбежал обратно в кухню и закрыл за собой дверь.

Идиллия окончилась. Погода испортилась, Присцилла привезла ухажера, а в Лохдуб переехала новая семейка, от которой так и веяло смутным беспокойством и близкой бедой.

Тем вечером доктора Броуди ждал обильный ужин: стейк и жареная картошка. Они с женой ели на кухне, за круглым столом. Доктор уже не верил, что однажды увидит его чистым: тарелка с ужином стояла в окружении книг, журналов, кассет, писем, требующих ответа; в вазе для фруктов хранились скрепки, шпильки, две отвертки, тюбик клея и жухлый апельсин.